

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Средняя Азия на протяжении истории занимала и занимает ключевое геополитическое положение в макрорегионе. Это обусловлено рядом важных факторов, среди которых географическое положение, наличие полезных ископаемых. По ее территории проходили древние торговые пути, а также пути переселения народов и завоевательных походов. Сегодня геополитическое не только не снизилось, но и еще более возросло в связи с происходящими сегодня глобальными политическими процессами. В девятнадцатом веке Средняя Азия она была ареной конфронтации Российской и Британской Империй. Сегодня этот регион играет важную буферную роль распространения влияния разных сил на всем азиатском пространстве.

Ключевые слова: Средняя Азия; геополитика; геополитические интересы.

Современная геополитическая картина быстро меняется и, как мы можем наблюдать, на наших глазах происходит переход от однополярного мира, который сложился после распада СССР, к многополярному устройству. Этот переход сопровождается потерей лидерства гегемона современной политики – США.

Стремительно растущее влияние США в бывших республиках СССР и, как следствие, приближение НАТО непосредственно к нашим границам, требует от Российской Федерации активизации своей политики в государствах СНГ, скорейшего укрепления союза с ними. Такой союз – Евразийский – был создан в 2010 году, а его деятельность значительно активизировалась в 2014 году, в связи с введением санкций США и Евросоюзом против Российской Федерации и государственным переворотом на Украине, организованным США. Территория бывших советских республик стала ареной соперничества российско-американских интересов фактически сразу после распада Советского Союза [2, с. 66]. Националистические элиты в новых республиках стали искать покровителя в противовес преобладания мощи Российской Федерации, а в США политики делали все, чтобы еще более ослабить Москву и не допустить ее влияния в бывших республиках, и тем более, усиления интеграции на постсоветском пространстве. Образовались четыре новых крупных сектора российской границы – Кавказ, Украина, Прибалтика, Средняя Азия. К началу нового века кавказский сектор дает непосредственное напряжение. Стратегически не менее, а скорее более важный сектор – среднеазиатский.

Сегодня Центральная Азия (Средняя Азия) – это пять республик: Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан. Советская власть изначально не планировала включать в этот исламский регион Казахстан, предпочитая ассоциировать его больше с граничащей Россией и Сибирью. Сегодня

* Сумкин Сергей Иванович – студент 1 курса, Институт национальной и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: baikas2013@yandex.ru.

Казахстан, однако, да и весь остальной мир считает, что эта республика все же является частью Центральноазиатского региона.

В Советском Союзе существовал «Среднеазиатский экономический район», который включал в себя Таджикскую, Киргизскую, Узбекскую и Туркменскую Советские Социалистические Республики (в отдельный экономический район выделялась Казахская ССР, отсюда и выражение «Средняя Азия и Казахстан») [11].

Территория Центральной Азии – 3,994,300 кв. км, к ней относятся некоторые наименее густонаселенные регионы планеты. Совокупное население в 51 млн чел. состоит из представителей более 100 разных этнических групп – от австрийцев и немцев, до корейцев и тибетцев. Наиболее распространенная этническая группа – это узбеки.

Обеспечение процессов формирования государственности России и защиты её территориальной целостности считается приоритетной в области внешней политики. Одна из закономерностей геополитического процесса заключается в том, что если контроль над пространством теряет один из геополитических субъектов, то его приобретает другой субъект. «Тюркский» и «исламский» фактор в условиях ослабления России как геополитического субъекта стал активно проявлять себя в направлении Центральной Азии, Поволжья и Северного Кавказа, используя при этом разные плацдармы [9, с. 30].

Сейчас в государствах Средней Азии действует множество радикально-исламистских группировок, члены которых как пополняют ряды «ИГ», так и теоретически способны поддержать его экспансионистские устремления «изнутри» своих государств [8, с. 129].

За без малого полтора года, прошедшие после провозглашения «халифата» 29 июня 2014 г., так называемое «Исламское государство» («ИГ», ранее известное как «Исламское государство Ирака и Леванта» – ИГИЛ) окончательно вытеснило «Аль Каиду» и другие радикально-исламистские организации с повестки дня. Объявленное одной из главных угроз цивилизованному миру, это запрещенное в РФ террористическое квазигосударственное образование практически сразу продемонстрировало откровенно демонические черты.

В геополитически очень важном Центральноазиатском регионе идет выбор двух путей развития. Первый – светский и мирный с толерантным отношением к этническому и религиозному многообразию. Второй – это скатывание в фундаменталистски настроенное общество, полуфеодальное состояние. Одним из важнейших условий для выбора первого пути мы видим недопущение деструктивного влияния, а тем более вмешательства внешних сил. По сообщению секретаря Совета Безопасности Казахстана Нурлана Ермекбаева, в «ИГ» вместе с семьями отправились 400 граждан Казахстана. Десятки из них уже погибли. Всего же из Центральной Азии, по его словам, выехало около 2 тысяч боевиков.

Число жителей Киргизии, выехавших в «ИГ», составляет от 150 до 400 чел. 16 июля 2015 г. в Бишкеке прошла контртеррористическая операция по уничтожению группы боевиков, в результате которой четверо были уничтожены и семь – задержаны. Официально сообщалось, что «боевики подпольной ячейки международной террористической организации ИГИЛ, уничтоженные в

ходе антитеррористической операции», планировали совершить теракты в Бишкеке во время праздничного намаза по случаю завершения месяца Рамазан, а также на российской авиационной базе в Канте. Этот инцидент доказывает, что в Киргизии наличествует определенный круг лиц, готовых бороться за установление халифата, в том числе с оружием в руках.

По данным спецслужб Таджикистана, в январе 2015 г. на стороне «ИГ» воевали от 200 до 400 молодых таджикстанцев. Тогда же называлась и другая цифра – более 1000 чел. [4].

Туркменистан – в информационном плане эта страна остается самой закрытой, но именно ее называют одной из наиболее уязвимых для распространения радикально-исламистских идей. Боестолкновения на афгано-туркменской границе говорят о сформировавшемся коридоре угроз. По данным британского Международного института стратегических исследований, на территории Ирака и Сирии находятся 360 граждан Туркменистана [1].

По данным Службы национальной безопасности, на стороне «ИГ» воюет около 500–600 выходцев из Узбекистана [7]. Большинство узбеков, которых ищет «ИГ», не являются боевиками. Террористическая группировка использует талантливых IT-специалистов и специалистов по связям с общественностью для создания изолированной онлайн пропаганды.

Итак, общее количество жителей государств Средней Азии, примкнувших к «ИГ», составляет, по оценкам спецслужб и экспертного сообщества, около 2–3 тыс. Эта цифра вряд ли значительно больше, так как о массовом выезде за пределы родного села, города и страны в целом, а тем более – о фактах гибели в «ИГ» было бы широко известно.

Основные маршруты, ведущие из Средней Азии в «Исламское государство» пролегают, как правило, через Турцию, с которой, в частности, у Киргизии безвизовый режим. Зачастую вербовка осуществляется в среде трудовых мигрантов, в том числе на территории России, а также через интернет. Многочисленные примеры свидетельствуют о механизмах вербовки через социальные сети и о необходимости более пристального внимания к этому.

Кроме того, можно выделить духовно-религиозные мотивы: желание реализовать себя, живя по «истинному исламу», защищать слабых, восстанавливать справедливость. Именно они могут побудить бывших и потенциальных боевиков «ИГ» из Средней Азии к действиям уже в собственном регионе. И, если говорить о прямом боестолкновении сил «ИГ» и вооруженных сил стран Средней Азии в обозримом будущем не приходится, то совершение точечных терактов среднеазиатскими боевиками «Исламского государства» вполне возможно.

Внутренние угрозы куда более актуальны для региона, чем внешние, связанные с «ИГ». На фоне разговоров о внешней угрозе комплекс негативных внутренних факторов порой уходит на второй план. Однако в рядах «ИГ» воюют граждане, которые, набравшись боевого опыта, могут вернуться домой, будучи специалистами в военных областях и знатоками местных реалий. Таким образом, опасность дестабилизации обстановки в странах Средней Азии изнутри куда более реальна, нежели вероятность прямого боестолкновения с радикальными исламистами извне. В данном случае речь идет о «замороженном ак-

тиве», который может быть использован в определенных условиях. Поскольку границы государств Средней Азии во многих местах «размыты» и плохо охраняемы, угроза взаимопроникновения деструктивных сил остается вполне реальной.

Кроме «ИГ», от Средней Азии исходят и другие угрозы. Средняя Азия по-прежнему остается основным транзитным маршрутом незаконных поставок наркотиков в РФ и далее в европейские государства. По этой причине, российское сотрудничество со странами Средней Азии в разных форматах направлено на формирование скоординированных подходов для решения подобных проблем. Чаще всего это подразумевает предоставление государствам региона ресурсов для борьбы в надежде на то, что они на своей территории остановят транзит наркотиков в Российскую Федерацию [12, с. 264].

Нет сомнений в том, что геополитические интересы Российской Федерации в Средней Азии связаны с множеством масштабных внешнеполитических целей. Среди них: продвижение нашей страной разных интеграционных механизмов и организаций по утверждению статуса преимущественного и главного фактора в «своем» регионе и звания «великой державы» в глобальных масштабах, поскольку Россия играет ведущую роль в постсоветской интеграции. Если геополитику СССР в Евразии характеризовал дух экспансионизма и наступления, то геополитика постсоветской России носила оборонительный характер. Попытки Российской Федерации сохранить свое влияние в постсоветском пространстве сталкиваются с интересами крупнейших мировых стран: с США и ЕС – на западе, с Турцией, Китаем и Ираном – на востоке. В это соперничество косвенным образом вовлечены Индия и Пакистан. С появлением у стран Средней Азии все более новых привлекательных альтернатив, Россия все больше стремится привлечь эти страны к максимально тесным отношениям с нашей страной. В присутствии в Средней Азии многих иных иностранных государств, Москва видит препятствие для реализации своей стратегии, поскольку центрально-азиатские государства уходят с московской орбиты и отказываются постепенно от своей постсоветской идентичности. Россия также считает Среднюю Азию ключевым элементом своей большой энергетической стратегии. Во время активного развития в начале и середине 2000-х годов отечественная экономика шла вперед на волне высоких цен на энергоресурсы. Одной из составляющей уравнения было условие, что РФ покупает по низким ценам энергоресурсы в Средней Азии, использует их для удовлетворения своих внутренних потребностей, а собственные энергоресурсы поставляет на экспорт, обеспечивая национальный экономический рост. Россия стремится сохранить ситуацию, когда трубопроводы в этом регионе идут через ее территорию, дабы энергоресурсы стран Средней Азии не уходили на сторону. Средняя Азия многое значит для России, как источник угроз ее безопасности. Считается, что действующие в этом регионе экстремистские и повстанческие группировки связаны с организациями боевиков на Северном Кавказе, которые угрожают внутренней безопасности России.

Таким образом, Средняя Азия – это перекресток цивилизаций, контроль над которым, как считалось на протяжении многих веков, позволяет властво-

вать над миром. Это свое исключительное геополитическое значение, прежде всего, в геополитике России регион сохраняет и в настоящее время.

Список использованной литературы

1. Саводян Б. Только Россия поможет Туркменистану в борьбе с ИГИЛ. ИА Регнум, 17 марта 2015 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/1906155.html> (дата обращения 29.03.16).
2. Бутенко Н. А. Современная Россия перед геополитическими вызовами // Культура. Духовность. Общество, 2015. – Вып. № 18. – С. 66–70.
3. Губченко В. В. Пограничные рубежи России в Центральной Азии // Всероссийский журнал научных публикаций, 2011. – Вып. № 1 (2). – С. 102–106.
4. Поендошоев Д. Таджикистан: ИГИЛ подкрался незаметно. ИА «Центразия», 19 января 2015 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1421686560> (дата обращения 29.03.16).
5. Дубовицкий В. В. Россия в среднеазиатском регионе: три века в зеркале геополитики // История и современность, 2009. – Вып. № 1. – С. 190–222.
6. Журавлев В. Е. Геополитические аспекты евразийской интеграции // Вестник науки и образования, 2015. – Вып. № 10 (12). – С. 139–144.
7. ИГИЛ вербует в Узбекистане специалистов, докторов и инженеров. ИА Центразия, 4 сентября 2015 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1441473660> (дата обращения 29.03.16).
8. «Исламское государство»: сущность и противостояние. Аналитический доклад / под общей редакцией Я. А. Амелиной и А. Г. Арешева. Владикавказ: Кавказский геополитический клуб, 2015. – 226 с.
9. Минасян А. М., Юркова О. А. Геополитическое положение России: вызовы и перспективы // Сборники конференций НИЦ Социосфера, 2014. – Вып. № 33. – С. 30–33.
10. Новиков В. А. Политическая конкуренция на постсоветском пространстве: Средняя Азия // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, 2010. – Выпуск № 4 (8). – С. 168–173.
11. Средняя или Центральная Азия? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200302804> (дата обращения 29.03.16).
12. Сыздыкова Ж. С. Геополитические интересы России в Центральной Азии // Теория и практика общественного развития, 2013. – Вып. № 8. – С. 263–265.